

УДК 327(73+510)20|

США ПРОТИВ КНР НА «ВЕЛИКОЙ ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ»: ВОЗМОЖЕН ЛИ ЦУГЦВАНГ?

И. И. Арсентьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: airen1@yandex.ru

Анализируются основные положения статьи Збигнева Бжезинского «На пути к глобальному переустройству», опубликованной в апреле 2016 г. Американский политолог констатирует завершение эпохи глобального доминирования США и начавшееся перераспределение глобального политического влияния. В этой связи оцениваются перспективы КНР на статус нового глобального лидера, а также характеризуется будущее американо-китайских отношений.

Ключевые слова: Збигнев Бжезинский, США, КНР, Россия, гегемония, лидерство, геополитика, конфликт.

The USA vs China on the «Grand Chessboard»: Entering Zugzwang?

I. I. Arsentjeva

The author analyzes the main points of Zbigniew Brzezinski's article «Towards a Global Realignment» published in April 2016. The American political scientist comes to the conclusion that the era of the US global dominance is coming to an end and the redistribution of global political power is emerging. This paper examines, in this regard, China's prospects for achieving a position of a global leader. The future of the US-China relations is also represented in the new context.

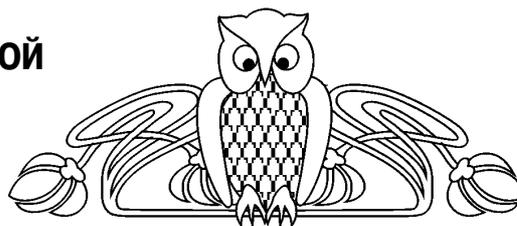
Key words: Zbigniew Brzezinski, USA, China, Russia, hegemony, leadership, geopolitics, clash.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106

Введение

В начале октября 2016 г. на информационно-аналитическом портале «Военное обозрение» была опубликована статья с привлекающим внимание заголовком «Бжезинский утратил веру в американскую мощь»¹, вернее, даже не статья, а выборочный перевод аналитической работы М. Уитни «Разбитая шахматная доска: Бжезинский разочаровался в империи» (The Broken Chessboard: Brzezinski Gives Up on Empire), размещенной на американском портале The Unz Review: An Alternative Media Selection².

Майк Уитни, а вслед за ним и «Военное обозрение» утверждают, что Зб. Бжезинский в своей новой статье «На пути к глобальному переустройству» отказался от прежних геополитических схем, изложенных в получившей широкую известность «Великой шахматной доске», сделал поворот на 180 градусов, призвав к налаживанию связей с Россией и Китаем. Безусловно, подобные

кардинальные изменения во взглядах «главного архитектора» грядущей имперской экспансии США и своего рода «знаменосца русофобов всего мира» не могут не вызывать удивления.

Однако даже при беглом знакомстве со статьей Зб. Бжезинского становится очевидным, что не всё столь однозначно в его тезисах и выводах, вернее, в интерпретации работы. В этой связи цель настоящей статьи – проанализировать основные положения работы Зб. Бжезинского и, самое главное, попытаться ответить на вопрос: если действительно эпоха глобального доминирования США подходит к концу, какая страна способна сменить их на геополитическом «олимпе»?

«На пути к глобальному переустройству»

В апреле 2016 г. в журнале The American Interest (AI) была опубликована статья Збигнева Бжезинского «На пути к глобальному переустройству» (Towards a Global Realignment)³. В ней американский политолог выделяет пять основных реалий (verities) современного мира, которые свидетельствуют о начавшемся перераспределении глобального влияния.

Первая реалья – Соединенные Штаты сохраняют статус ведущей державы в экономическом, политическом и военном плане, но уже не могут претендовать на имперский статус в глобальном масштабе, как, впрочем, и ни одна из других мировых держав.

Вторая реалья – Россия переживает последнюю конвульсивную стадию деимпериализации. Это болезненный процесс, однако если она будет действовать разумно, сможет, в конце концов, стать ведущим европейским национальным государством. Но тут же звучит оговорка, что в настоящее время Москва действует непродуманно, портя отношения со странами исламского юго-запада своей некогда огромной империи, а также с Украиной, Белоруссией, Грузией, не говоря уже о странах Балтии.

Третья реалья заключается в продолжающемся возвышении Китая, несмотря на то что в последнее время темпы его развития несколько замедлились. Именно эта страна в будущем способна сравняться с США и стать их противником. Однако пока Пекин не стремится бросать открытый вызов Вашингтону, его главная задача

в настоящее время – укрепить свои ограниченные военно-морские силы и совершить прорыв в области вооружений нового поколения.

Четвертая реалья – Европа не является глобальной силой и вряд ли станет ею в будущем. Тем не менее она может сыграть конструктивную роль, взяв на себя инициативу в противостоянии глобальным угрозам. При этом немаловажно, что в политическом и культурном плане Европа является союзником США и поддерживает их политику на Ближнем Востоке.

В-пятых, сопровождаемое насилием «политическое пробуждение» исламского мира является своего рода запоздалой реакцией на жесткое давление со стороны западных стран. Это «пробуждение» подпитывается исторической памятью народов, в течение длительного времени подвергавшихся унижениям и гонениям, и искусно подогревается исламскими экстремистами.

Далее Зб. Бжезинский делает вывод о том, что с учетом этих пяти реалий США должны взять на себя инициативу и выработать комплексную стратегию по формированию новой архитектуры мира. Ее суть, по мнению американского политолога, состоит в следующем.

Во-первых, США смогут эффективно противодействовать насилию на Ближнем Востоке, если создадут коалицию с привлечением, помимо прочих участников, России и Китая. Однако прежде, пишет Зб. Бжезинский, их необходимо убедить отказаться от недальновидной внешней политики. Причем если в случае с Москвой – «агрессивной», то в случае с Пекином – «эгоистически пассивной». Другими словами, Россия должна отказаться от одностороннего применения силы против своих соседей – Украины, Грузии и балтийских стран. А Китаю, напротив, следует осознать, что в условиях разрастающегося ближневосточного кризиса пассивная внешняя политика неизбежно нанесет непоправимый ущерб китайским национальным интересам. Однако Зб. Бжезинский почему-то не уточняет, как должна измениться американская внешнеполитическая стратегия (он лишь пишет о необходимости этих изменений), а ведь создание полноценной и эффективно действующей коалиции априори, на наш взгляд, предполагает взаимные уступки входящих в нее акторов.

Во-вторых, американский политолог подчеркивает, что США должны способствовать постепенному пониманию в России (делая оговорку, что, видимо, это возможно только «после Путина») того факта, что она сможет стать влиятельной страной исключительно в составе объединяющейся Европы. В противном случае она будет не способна противостоять растущему территориально-демографическому давлению со стороны Китая. Попутно отметим, что многие политологи констатируют, что в последние годы высказывания Зб. Бжезинского в адрес России смягчились, но объясняется это тем, что в своих выступлениях и работах он больше говорит о том, какой бы хотел видеть Россию в будущем.

В-третьих, для Китая наилучшая политическая перспектива на ближайшее будущее – стать главным партнером США в сдерживании глобального хаоса, который распространяется по всему миру с Ближнего Востока, угрожая, в том числе и западным территориям КНР. Пекин должен расширять свое региональное влияние, всё более активно включать в сферу своего «геополитического охвата» Центральную и Юго-Западную Азию и, прежде всего, Иран. Однако делать это следует в тесном взаимодействии с Вашингтоном.

В-четвертых, восстановить относительную стабильность на Ближнем Востоке не представляется возможным до тех пор, пока местные вооруженные формирования рассчитывают на привилегии при распределении отвоеванных территорий и при этом избирательно поддерживают экстремистские группировки. Остановить это можно путем оказания давления на них со стороны США, России и Китая. Это, в свою очередь, увеличит вероятность более разумного применения силы против экстремистов со стороны региональных держав, а именно Ирана, Турции, Израиля и Египта. Далее Зб. Бжезинский поясняет, почему не включил в этот список, казалось бы, верного союзника США – Саудовскую Аравию: наблюдаемая сегодня склонность саудитов поддерживать ваххабизм вызывает серьезные сомнения в способности Эр-Рияда играть конструктивную роль в регионе.

В-пятых, нельзя игнорировать политическую активизацию народов «незападного мира». И не исключено, что сегодняшний рост экстремизма на Ближнем Востоке – всего лишь начало более масштабного процесса, который в будущем перекинется в Африку, Азию и даже в Западное полушарие.

Если же конструктивная долгосрочная стратегия по формированию новой архитектуры мира не будет выработана и сохранится стремление мировых держав в одностороннем порядке реализовывать свои национальные интересы и асимметричные цели, это станет самоубийственной тратой времени. США в таком случае рискуют быть втянутыми в длительные конфликты и, возможно, вернуться к политике изоляционизма, которой придерживались вплоть до XX столетия. Для России это означает серьезное поражение и признание доминирующей роли Китая. Для Китая – войну не только с Соединенными Штатами, но и с Японией или Индией (или с обеими одновременно).

Безусловно, если сравнить сделанные в статье выводы с более ранними работами Зб. Бжезинского, можно заметить значительные изменения. Так, в «Великой шахматной доске» (1997) он писал: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия»⁴.

В вышедшей в 2004 г. книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (The Choice: Global Domination or Global Leadership) риторика несколько меняется. Предметом пристального внимания становятся альтернативы американского доминирования: господство, основанное на силе, или лидерство, основанное на согласии. Зб. Бжезинский выбирает второй вариант, парадоксально соединяя при этом гегемонию и демократию как два инструмента управления миром. По сути это близко к концепции *benevolent hegemony* – «благожелательной/гуманной гегемонии». Обоснование подобного варианта глобального доминирования США было разработано в конце 1990-х гг. американскими политологами У. Кристолом и Р. Каганом⁵. Однако очевидно, что постулируемая Зб. Бжезинским формула «глобального лидерства», или «благожелательного глобального гегемонизма», не меняет главного содержания моноцентрической структуры мироустройства, где один полюс концентрирует колоссальную мощь, которую он может использовать как самое простое средство реализации национальных интересов и экспансии.

В статье «На пути к глобальному переустройству» отход Зб. Бжезинского от прежних гегемонистских заявлений выражен намного более рельефно. Однако главный тезис статьи, на наш взгляд, все же состоит в следующем: Соединенным Штатам Америки, эра мирового доминирования которых подходит к концу, необходимо предпринять шаги, чтобы стать *лидером* в меняющейся архитектуре глобальных центров силы. Не случайно именно этим предложением начинается статья.

Поэтому, на наш взгляд, не вполне правомерно говорить о том, что Зб. Бжезинский полностью отказался от своих прежних геополитических построений, «совершил поворот на 180 градусов». Скорее изменилась общая тональность его работ на фоне происходящих в мире серьезных трансформаций и геополитических «сдвигов», и американский политолог стал более четко разграничивать понятия «гегемония» и «лидерство». Не стоит забывать и о почтенном возрасте американского эксперта – в марте 2016 г. ему исполнилось 88 лет (общеизвестно, что со временем большинство людей отходят от своих максималистских убеждений).

Однако вернемся к утверждению Зб. Бжезинского о том, что архитектура глобальных центров силы меняется. В 2012 г. в одной из своих работ он заявлял, что в случае внезапного масштабного кризиса американской системы новый мировой лидер не появится даже к 2025 г. «Ни одна держава не будет готова играть ту роль, которую после распада Советского Союза в 1991 г. мир ожидал от Соединенных Штатов: роль лидера нового, глобально кооперативного мирового порядка»⁶.

В анализируемой нами работе Зб. Бжезинский также утверждает, что вряд ли в обозримом будущем какое-либо государство сможет оспорить

финансово-экономическое превосходство Америки. В то же время появление у какой-нибудь страны средств, позволяющих в целом превзойти Америку в военном отношении, будет означать конец американского глобального превосходства. В результате мир с большой степенью вероятности погрузится в хаос. Поэтому Соединенным Штатам следует выработать такую стратегию, чтобы хотя бы одна из двух непредсказуемых и потенциально опасных для американского первенства стран стала их партнером в деле обеспечения региональной и глобальной стабильности. Далее американский эксперт с присущей ему откровенностью заявляет о том, что на сегодняшний день такой страной является Россия, а в перспективе – Китай.

Мы не будем останавливаться на крайне актуальном и сложном вопросе американо-российских отношений (поскольку не они являются предметом исследования в настоящей статье), а сосредоточим свое внимание на анализе перспектив эффективных «ходов» Китая на «великой шахматной доске», т. е. возможности его становления в качестве нового глобального лидера, а значит, и вероятности втягивания в масштабный геополитический конфликт с США.

Оценка перспектив глобального лидерства КНР

В 2007 г. Фонд Бертельсманна (ФРГ) провел социологический опрос среди жителей 9 стран – Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Китая, России, США, Франции, Японии. Исследование позволило выявить следующие наиболее важные качества мирового лидера⁷:

- экономическая мощь и потенциал роста (так ответили 55% респондентов);
- политическая стабильность (51%);
- развитый образовательный и научно-исследовательский сектор (47 %);
- лидерский потенциал в формировании международной повестки дня и обеспечении безопасности (27%);
- наличие значительных природных ресурсов (26%);
- социокультурная модель, которой стремятся подражать другие страны (25%);
- военная мощь (25%).

Проанализируем позицию КНР по некоторым из этих критериев более подробно.

Безусловно, *экономическая мощь и потенциал роста* являются главным аргументом сторонников грядущего *Pax Sinica*. На протяжении последних десятилетий роль Китая в мировой экономике не прерывно возрастает. Так, в течение 2006–2010 гг. (11-я пятилетка) среднегодовой прирост национальной экономики составлял 11,2%. При этом доля страны в мировом ВВП за указанный период выросла с 5 до 9,5%⁸. К концу 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) темпы прироста ВВП существенно замедлились: в 2014 г. – 7,3%; в 2015 г. – 6,9%. Однако по этому показателю КНР продолжает

удерживать 1-е место в мире. На сегодняшний день Китай, опережая Японию и уступая Соединенным Штатам Америки, занимает вторую строчку в мировом экономическом рейтинге.

Согласно оценкам Всемирного банка, номинальный ВВП Китая по итогам 2015 г. составлял порядка 10,87 трлн долл. США (для сравнения: ВВП США – 17,95 трлн долл.)⁹. А по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС), китайская экономика уже сейчас занимает лидирующие позиции. К 2025 г., согласно прогнозу Pricewaterhouse Coopers (входит в «большую четверку» аудиторско-консалтинговых компаний), экономика КНР превзойдет экономику США¹⁰. Схожие прогнозы звучат в докладе Национального разведывательного совета США, который в декабре 2012 г. опубликовал свой очередной доклад «Глобальные тенденции» (Global Trends 2030: Alternative Worlds). По мнению аналитиков, КНР и США поменяются местами в списке крупнейших экономик мира между 2022 и 2030 гг.¹¹

Доказательством растущей экономической мощи КНР могут служить ее многочисленные инициативы по созданию новых механизмов экономической интеграции. Так, в январе 2016 г. начал функционирование Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, где главную роль играет Китай. Кроме того, он достаточно успешно реализует озвученные планы по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI столетия. На сегодняшний день к этим проектам присоединилось более сотни стран; со многими из них заключены официальные соглашения.

Если говорить о политической стабильности, то, безусловно, есть некие «лакуны» в системе национальной безопасности. Так, например, с точки зрения сохранения территориальной целостности страны наиболее уязвимы СУАР и ТАР, т. е. Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы, где достаточно сильные сепаратистские настроения (в СУАР проблема усугубляется деятельностью террористической организации «Исламское движение Восточного Туркестана»). Тем не менее вопрос о том, что СУАР и ТАР могут по каким-то причинам перестать быть частью китайской территории, не стоит на повестке дня. Более того, руководство страны неоднократно давало понять, что до 2049 г. (когда будет праздноваться 100-летний юбилей образования КНР) намерено решить и тайваньский вопрос.

В то же время в КНР достаточно остро стоит вопрос политических реформ, демократизации и либерализации системы государственного управления. Как отмечает казахстанский синолог К. Л. Сыроежкин, речь в данном случае идет как о проблемах внутри Коммунистической партии Китая (КПК) – разложение кадров, коррупция, ослабление идеологического воспитания, падение престижа марксистской идеологии, рост бюрократизма, систематические нарушения партийной

дисциплины и т. д., так и о концептуальном изменении самой идеологии правящей партии, ее движении в сторону социал-демократизма¹².

В последние годы в Поднебесной развернулась антикоррупционная кампания. Формальный старт ей был дан в ноябре 2012 г. после XVIII съезда КПК, где генеральным секретарем был избран Си Цзиньпин. Как отмечает В. Б. Кашин, старший научный сотрудник ИДВ РАН, подобные чистки следовали и за предыдущими передачами власти от одного поколения руководителей к другому. Однако нынешняя кампания беспрецедентна по своей продолжительности и широте охвата. Так, в одном только 2015 г. были рассмотрены дела 336 тыс. чиновников (в том числе высокопоставленных), наказано 282 тыс.: 200 тыс. из них отделались взысканиями, понижением, переводом на другую работу и т. п., 14 тыс. дел переданы в суд. Многие эксперты полагают, что с помощью такой чистки китайские руководители пытаются добиться трансформации государственной экономической политики, что может повлечь за собой большие изменения во внешней политике и идеологии¹³.

Однако в целом политическая ситуация в КНР достаточно стабильная и не создает серьезных преград в достижении статуса глобального лидера.

Гораздо более уязвим критерий *лидерского потенциала в формировании международной повестки дня*. Не случайно и зарубежные, и некоторые китайские эксперты все чаще говорят о том, что Китаю следует менять прежнюю, слишком «тихую» и «мягкую» внешнюю политику. Однако здесь хотелось бы возразить. Не тихой и не мягкой является политика Китая в крайне чувствительных для национальной безопасности областях, где проводится так называемая дипломатия «красных линий»¹⁴. На практике это означает, что Пекин наметил ряд проблем, по которым занимает предельно жесткую позицию. Прежде всего, это вопросы, касающиеся его политики в отношении Тибета, СУАР, Тайваня. Во всех остальных случаях китайцы предпочитают не форсировать события.

Что касается *военной мощи КНР*, то в последнее десятилетие наблюдается ее стремительное увеличение. Согласно официальным данным, в 2013 г. китайский военный бюджет составил 114,3 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2012 г. на 10,7 %. Для сравнения: в 2008 г. эта сумма составляла 57,2 млрд, в 2005 г. – 30 млрд¹⁵. В последнее время рост этих показателей несколько замедлился, в целом он коррелирует с ежегодным приростом номинального ВВП. При этом многие эксперты считают, что официальные цифры занижены по сравнению с реальными в 1,5–3 раза, поскольку не учитываются затраты на импорт вооружений, испытание новых видов оружия, расходы на ядерное оружие, субсидии в ВПК, НИОКР и многое другое. Так, по оценке Стокгольмского института исследования проблем

мира (SIPRI), военные расходы Китая в 2015 г. составили 215 млрд долл. (тогда как официальная цифра – 141 млрд)¹⁶.

В мае 2015 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР обнародовала девятую по счету Белую книгу¹⁷, посвященную вопросам военной стратегии. В предисловии к ней говорится о приверженности мирному развитию и концепции «активной обороны» (это означает, что Китай не намерен ни на кого нападать, но оставляет за собой безусловное право контратаковать в случае нападения на него). В самом документе дается общая оценка военно-политической обстановки в регионе и мире, содержатся основные направления военной политики КНР и обозначаются четыре важнейшие области обеспечения национальной безопасности – море, космос, Интернет и ядерные силы. Если говорить о последней из этих областей, то, например, в 2014 г., согласно данным SIPRI, КНР единственная среди легитимных ядерных держав нарастила ядерный арсенал. Ее ядерные силы выросли на 10 боеголовок и в настоящее время на вооружении имеется порядка 260 боеголовок. Однако, как подчеркивают сотрудники SIPRI, в связи с нетранспарентностью ядерной политики Китая, никто за его пределами не знает, сколько боеголовок находится в рабочем состоянии (может в случае необходимости быстро устанавливаться на ракеты и запускаться по вражеским целям)¹⁸. Помимо ядерной сферы, активно осуществляется модернизация китайских военноморских сил, и семимильными шагами развивается космическая программа.

Пожалуй, наиболее уязвимым компонентом потенциального лидерства КНР на мировой арене остается так называемая «мягкая сила», или, другими словами, привлекательность китайской *социокультурной модели* и позитивный международный имидж страны. К. Л. Сыроежкин по этому поводу отмечает: лидерский потенциал измеряется не только размерами ВВП (даже по ППС), но и «идеей, которую глобальная держава может предложить остальному миру. Что может предложить Китай? Ареал конфуцианства весьма ограничен, а коммунизма (даже с его китайской спецификой) мир уже «нахлебался»¹⁹. Однако, на наш взгляд, несмотря на действительно пока еще слабую социокультурную привлекательность, Китай за достаточно короткий период добился значительных успехов на данном направлении, взяв курс на массовый экспорт своих культурных ценностей и языка. Немаловажно, что параллельно с этим внутри самой страны происходит внедрение в общественное сознание психологии «великой державы» и идеи «великого возрождения китайской нации». Российский востоковед С. Г. Лузянин по этому поводу замечает, что всё более активно проявляют себя молодежные национально-патриотические группы (движения), готовые в любой момент откликнуться на призыв партии и правительства по тому или иному внешнеполитическому поводу²⁰.

Тем не менее вопрос о готовности китайского руководства взять на себя ответственную роль глобального лидера остается открытым. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления на 11-й встрече лидеров G20, прошедшей 4–5 сентября 2016 г. в китайском Ханчжоу. На саммите Китай вернулся к риторике пятилетней давности о том, что не может никому и ничего гарантировать, кроме собственного обогащения: само развитие Китая является его главным вкладом в мировую экономику. Подобные заявления можно расценивать по-разному, но явно не как заявку на лидерство.

Здесь стоит отметить, что еще в преддверии саммита в самой КНР всё более отчетливо зазвучали протесты против чрезмерной вовлеченности в решение глобальных проблем. Не секрет, что сегодня в мире достаточно сильные настроения, что только КНР по силам вытянуть мировую экономику из глобального зстоя. Однако сам Китай явно не намерен жертвовать внутренней экономической стабильностью во имя спасения кого бы то ни было. По словам Чэнь Чэньчэнь, эксперта Института финансовых исследований Китайского народного университета, мир ожидает от Китая гораздо больше, чем он может предложить²¹.

Возможному глобальному лидерству КНР в значительной мере препятствует сохраняющаяся и даже усиливающаяся в мире синофобия. Так, например, государства Евросоюза, крайне заинтересованные в китайских инвестициях, в то же время выражают обеспокоенность, что вместе с деньгами в Европу придут огромные массы трудовых мигрантов. Примером может служить утверждение 18 июля 2016 г. Советом Европейского союза новой стратегии в отношении Китая – *Elements for a New EU Strategy on China*²². В документе неоднократно поднимается миграционный вопрос, а также подчеркивается, что прямые китайские инвестиции в Европу должны осуществляться по законам и принципам свободного рынка. Поэтому Евросоюз будет проявлять пристальное внимание к рискам, которые могут образоваться из-за прихода на европейский рынок китайских компаний, имеющих преимущества благодаря существенной господдержке. Подобные высказывания явно говорят о недостатке доверия в отношениях между Западом и Китаем. А ведь не секрет, что в современных экономических отношениях доверие означает деньги, причем большие. Не случайно в 2014 г. Госкомитет КНР по делам развития и реформ официально признал: китайский бизнес ежегодно теряет порядка 100 млрд долларов из-за дефицита доверия²³.

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что уже сегодня Китай по многим показателям вполне способен составить конкуренцию Соединенным Штатам. Однако, как справедливо отмечает Зб. Бжезинский, пока Пекин не стремится бросать открытый вызов Вашингтону. В этой связи мы согласимся с высказыванием российского синоведа А. В. Виноградова, что на сегодняшний день главная цель КНР – «восстано-

вить историческую справедливость, вернуть себе место регионального лидера и мировой статус... В соответствии с этим Китай стремится стать мировой державой по статусу и региональной по ответственности»²⁴. Однако, по мнению некоторых экспертов, сама логика развития системы международных отношений может не оставить ему пространства для маневров, т. е. по целому ряду причин Китаю в конце концов придется взять на себя функции нового глобального лидера.

Конфликтотенный потенциал американо-китайских отношений

Согласно законам геополитики смена мирового лидера практически всегда сопровождается геополитическими потрясениями, масштабными конфликтами и переделом сфер влияния. Вот что по этому поводу пишет китайский профессор Лу Ючжи: «История международных отношений свидетельствует, что между новой и прежними сильными державами легко могут возникнуть конфронтация и конфликты. У поднимающихся держав, входящих в мировую систему, независимо от осознания этого, существует проблема необходимости определения заново правил, в выработке которых они не участвовали и которые не соответствуют их интересам. А старым сильным державам часто трудно разделить с новой ту власть, которой они ранее единолично распоряжались. Поэтому в процессе стремительного осуществления Китаем модернизации теоретически есть... возможность противостояния и конфронтации с Соединенными Штатами»²⁵.

Попробуем разобраться в этом вопросе и оценить вероятность геополитического конфликта США и КНР.

Еще совсем недавно Китай называл свои отношения с США «приоритетом приоритетов» и «важнейшими из двусторонних отношений современного мира». Американская сторона, в свою очередь, разработала концепцию «Большой двойки» (G2). Данная идея впервые была выдвинута Ф. Бергстеном, директором Института международной экономики им. Петерсона, в 2005 г., он рассматривает подобный союз как механизм стабилизации межгосударственных отношений и переориентации сторон на решение международных экономических проблем²⁶. Позже Г. Киссинджер и Зб. Бжезинский предложили, чтобы этот потенциальный союз занимался также решением стратегических задач (попутно отметим, что Пекин отверг данную концепцию, заявив, что ни одна из глобальных проблем не может быть решена двумя государствами).

Однако в последние годы в китайско-американских отношениях наблюдается ощутимый рост числа столкновений геополитических интересов, причем китайская сторона артикулирует свое недовольство гораздо отчетливее, чем это было

всего несколько лет назад. Более того, тесное экономическое взаимодействие (в 2015 г. двусторонний товарооборот превысил 558 млрд долл.) не отменяет, как отмечают эксперты, политической антипатии. Если перефразировать известную образную характеристику российско-китайских отношений – «активная политика и вялая экономика», можно сказать, что отношения США и КНР – это «активная экономика и вялая политика». И совершенно очевидно, что наиболее явственно противоречия двух ведущих мировых держав проявляются в АТР, поскольку данный регион обе страны считают сферой своего влияния.

Активизация тихоокеанской политики Вашингтона наблюдается с начала текущего десятилетия. При этом, как отмечают многие эксперты, смещение внешнеполитических акцентов не направлено лишь на восстановление значения и влияния Вашингтона в АТР. Это скорее «перебалансировка» приоритетов, поскольку сложная система взаимодействия США со странами региона сформировалась давно²⁷.

Барак Обама, выступая на закрытии совещания лидеров стран форума АТЭС 2011 г. на Гавайях, заявил: «Ни один регион не будет определять наши долгосрочные экономические перспективы так, как Азиатско-Тихоокеанский»²⁸. Переориентация американских геополитических интересов стала важным пунктом принятой в 2011 г. Национальной военной стратегии (National Military Strategy 2011). При этом в документе выражалась обеспокоенность возрастающими возможностями Китая по ограничению деятельности США в регионе. По мнению американских политиков, рост военной мощи КНР должен сопровождаться большей ясностью относительно ее стратегических намерений, чтобы избежать возможных трений. Схожие оценки звучат в Национальной военной стратегии 2015 г., где говорится о том, что политика Китая добавляет напряженности в АТР, а агрессивные действия Пекина в акватории Южно-Китайского моря противоречат нормам международного права²⁹.

В Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy), принятой в феврале 2015 г.³⁰, в очередной раз подтверждается стратегический поворот США в сторону АТР. При этом Вашингтон открыто заявляет о намерении соперничать с Пекином с позиции силы, добиваясь соблюдения последним норм международного права по широкому кругу вопросов – от обеспечения безопасности морского пространства до торговли и прав человека. Кроме того, в документе подчеркивается стремление сформировать новый глобальный порядок в сфере экономики. Особую роль в этом процессе призваны сыграть трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства. Последний проект, по оценкам многих экспертов, нацелен на «выдавливание» китайского капитала из ряда стран АТР и перекраивание сфер влияния.

Однако серьезные геополитические разногласия не мешают КНР и США расширять торго-

экономические связи и подписывать различные соглашения, среди которых, например, заключенное в 2015 г. Соглашение об активизации сотрудничества в военной сфере³¹. Нельзя не учитывать и тот факт, что Китай – крупнейший держатель американского госдолга. Это и многое другое свидетельствует о том, что обе страны пока не заинтересованы в том, чтобы периодически возникающие спорные ситуации перешли в более серьезную плоскость. В противном случае это рискует перерасти в масштабный конфликт, в котором у сторон не останется пространства для маневрирования, а каждый дальнейший шаг будет только ухудшать ситуацию и наносить непоправимый урон их жизненно важным интересам. Или, если использовать шахматную терминологию (на наш взгляд, это вполне допустимо, поскольку значительная часть текстового материала посвящена анализу взглядов Зб. Бжезинского), стороны конфликта окажутся в ситуации цугцванга. Это, в свою очередь, таит серьезную угрозу для системы глобальной безопасности, т. е. пострадавшими будут не только американцы или китайцы, но и весь остальной мир.

Заключение

На наш взгляд, главный вопрос заключается даже не в том, сместит ли Китай Соединенные Штаты с геополитического «олимпа» (хотя вероятность реализации такого сценария существует). Проблема в том, какую модель поведения на мировой арене выберет в таком случае Китай – гегемонию или лидерство. Неотъемлемой чертой первой являются диктат и подавление недовольных. Лидерство же предполагает наличие общих интересов у лидера и тех, кто за ним следует, добровольное признание с их стороны авторитета лидера. В этой связи, по утверждению Т. А. Шапклинной, наличие глобального лидера жизненно важно для развития всех стран мира³². Схожее мнение высказывает А. Н. Михайленко: «...лидер способен усмотреть в разнородных фрагментах действительности элементы новизны и из написанных многими художниками кусочков мозаики составить целостную картину, соответствующую тенденциям развития и определяющую их. Он может... наметить пути необходимых совместных преобразований»³³.

Нам остается лишь надеяться, что Китай выберет модель, отличную от той, которую явили всему миру США, поскольку до сих пор он демонстрировал большую способность к просчитыванию вероятных последствий своих действий. Тем более что китайская дипломатия, исходя из традиций своей политической культуры, не мыслит категориями «здесь и сейчас». Интересную мысль в этой связи высказывает С. А. Михеев: «Все, к чему прикасаются китайцы, становится китайским... Если... чего-то и стоит опасаться, так это именно того, что китайцы не теряют своей идентичности на протяжении веков. Они дружат с

вечностью. В этом и есть главная китайская угроза и главный урок, который Китай преподносит... всему миру»³⁴.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-37-01208).

Примечания

- 1 Бжезинский утратил веру в американскую мощь // Военное обозрение. 2016.03.10. URL: https://topwar.ru/101423-bzhezinskiy-utratil-veru-v-amerikanskuyu-mosch.html?utm_source=website&utm_medium=social&utm_campaign=group (дата обращения: 05.10.2016).
- 2 См.: Whitney M. The Broken Chessboard : Brzezinski Gives Up on Empire // The Unz Review : An Alternative Media Selection. 2016. August 25. URL: <http://www.unz.com/mwhitney/the-broken-chessboard-brzezinski-gives-up-on-empire/> (дата обращения: 05.10.2016).
- 3 Brzezinski Zb. Towards a Global Realignment // The American Interest. 2016. April 17. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 06.10.2016).
- 4 Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 1998. С. 40.
- 5 См., например: Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998 (Summer). № 111. P. 24–35.
- 6 Brzezinski Zb. After America : How Does the World Look in an Age of U. S. Decline? Dangerously Unstable // Foreign Policy. 2012. January-February. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/after_america?print=yes&hidecomments=yes&page=full (дата обращения: 16.09.2016).
- 7 См.: Who Rules the World? The Results of the Second Representative Survey in Brazil, China, France, Germany, India, Japan, Russia, the United Kingdom, and the United States / Bertelsmann Stiftung. Berlin, 2007. P. 13.
- 8 См.: Доля КНР в мировом ВВП выросла до 9,5% // Жэньминь жибао онлайн. 2011.25.03. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7331614.html> (дата обращения: 02.10.2016).
- 9 См.: GDP Ranking 2015. The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table> (дата обращения: 07.10.2016).
- 10 См.: The World in 2050. The BRICs and Beyond : Prospects, Challenges and Opportunities // PricewaterhouseCoopers. 2013. January. URL: http://www.pwc.com/en_GX/gx/world-2050/the-brics-and-beyond-prospects-challenges-and-opportunities.jhtml (дата обращения: 07.10.2016).
- 11 См.: Global Trends 2030 : Alternative Worlds : a Publication of the National Intelligence Council. 2012. December. P. 15.
- 12 См.: Сыроежкин К. Л. Политические проблемы современного Китая // Центр Азии. 2013. № 1 (83). URL: <http://www.asiakz.com/politicheskie-problemy-sovremennogo-kitaya> (дата обращения: 08.10.2016).
- 13 См.: Кашин В. Большая китайская чистка // Ведомости. 2016.18.02. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/>

- articles/2016/02/18/630151-bolshaya-kitaiskaya-chistka (дата обращения: 08.10.2016).
- ¹⁴ Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8, № 3 (24). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm> (дата обращения: 21.09.2016).
- ¹⁵ См.: Соловьев Е. Китай вложился в оборону : Пекин значительно увеличит военные расходы // *Рос. газ*. 2013.07.03. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/07/kitay.html> (дата обращения: 01.10.2016).
- ¹⁶ См.: Trends in World Military Expenditure, 2015 : SIPRI Fact Sheet // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/publications/2016/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2015> (дата обращения: 01.10.2016).
- ¹⁷ См.: Шишкина Н. И. Военная стратегия Китая : девятая «Белая книга» // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2015.14.06. URL: <http://rusrand.ru/events/voennaja-strategija-kitaja-devjataja-belaja-kniga> (дата обращения: 15.09.2016).
- ¹⁸ См.: World Nuclear Forces // SIPRI Yearbook 2015. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2015/11> (дата обращения: 03.10.2016).
- ¹⁹ Константин Сыроежкин : «В глобальное лидерство Китая я не верю» // NOTUMinfo. 2014.21.01. URL: <http://www.notum.info/news/politika/konstantin-syiroezhkin-v-globalnoe-liderstvo-kitaya-ya-ne-veryu> (дата обращения: 03.10.2016).
- ²⁰ См.: Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // *Обозреватель-Observer*. 2013. № 1. С. 58.
- ²¹ Более подробно см.: Щепин К. Саммит «одной лодки». G20 подтвердила сплоченность во имя развития // *Рос. газ*. 2016.21.09. URL: <https://rg.ru/2016/09/21/lidery-stran-g20-reshili-vmeste-preodolevat-posledstviia-ekonomicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.10.2016).
- ²² См.: Council Conclusions EU Strategy on China (Brussels, 18 July 2016). URL: <http://www.eu2016.sk/data/documents/china.pdf> (дата обращения: 03.10.2016).
- ²³ См.: Щепин К. Саммит «одной лодки». G20 подтвердила сплоченность во имя развития // *Рос. газ*. 2016.21.09. URL: <https://rg.ru/2016/09/21/lidery-stran-g20-reshili-vmeste-preodolevat-posledstviia-ekonomicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.10.2016).
- ²⁴ Цит. по: Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // *Обозреватель-Observer*. 2013. № 1. С. 57.
- ²⁵ Цит. по: Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай-Россия-2050 : стратегия соразвития. М. : ИНЭС, 2006. С. 553, 554.
- ²⁶ См.: The United States and the World Economy. Foreign Economic Policy for the Next Decade / Institute for International Economics. Washington, 2005.
- ²⁷ Более подробно см.: Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2014. Вып. 1.
- ²⁸ Obama : Asia-Pacific Will Shape U. S. Economic Future / U. S. Department of State. 2011. November 14. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/article/2011/11/20111114150929elrem0.5449182.html#axzz3uYr1VHWy> (дата обращения: 06.10.2016).
- ²⁹ См.: The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 08.10.2016).
- ³⁰ См.: The 2015 National Security Strategy (February 2015) // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 08.10.2016).
- ³¹ См.: China, US Sign Agreement to Boost Army Cooperation // *China Daily*. 2015. June 15. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-06/15/content_21001723.htm (дата обращения: 09.10.2016).
- ³² См.: Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 54.
- ³³ Михайленко А. Н. Лидерство в современных международных отношениях // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 5. С. 74.
- ³⁴ Михеев С. А. Экспансия мигрантов. Китайская угроза как она есть // *Центр Азия*. 2006.20.07. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1153369020> (дата обращения: 09.10.2016).

Образец для цитирования:

Арсентьева И. И. США против КНР на «великой шахматной доске»: возможен ли цугцванг? // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 99–106. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106.

Cite this article as:

Arsentyeva I. I. The USA vs China on the «Grand Chessboard»: Entering Zugzwang? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 99–106 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106.